

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ВОЙНА. ВОПРОС О ПРОИСХОЖДЕНИИ НАРОДОВ В ГРУЗИНО-АБХАЗСКОМ КОНФЛИКТЕ¹

Бруно Коппитерс

Происхождение народов, населявших восточное побережье Черного моря, всегда необычайно пленяло историков. По мнению Геродота, известного как «отец истории», колхское население этого края было родственно египтянам: «Ведь колхи, по-видимому, египтяне: я это понял сам еще прежде, чем услышал от других. Заинтересовавшись этим, я стал расспрашивать [об этом родстве] как в Колхиде, так и в Египте. Колхи сохранили более ясные воспоминания о египтянах, чем египтяне о колхах. Впрочем, египтяне говорили мне, что, по их мнению, колхи ведут свое происхождение от воинов Сесострисова войска»². Геродот, написавший свою «Историю» в пятом веке до н. э., основывался в приводимых им данных на языковом родстве и на некоторых общих культурных особенностях вроде обрезания и способов ткачества. Напротив, то, что и у тех, и у других была смуглая кожа и курчавые волосы, было для Геродота ненадежным доказательством их общего

¹ Данный текст представляет собой сокращенный вариант главы In Defence of the Homeland: Intellectuals and the Georgian-Abkhazian Conflict (В защиту отечества: интеллектуалы и грузино-абхазский конфликт), опубликованной в книге: Bruno Coppieters and Michel Huyseune (eds), *Secession, History and the Social Sciences* (Сецессия, история и общественные науки), Brussels, VUB University Press, 2002, pp. 89-116 (опубликованной также по адресу: <http://poli.vub.ac.be/publi>). Настоящая статья основана на ряде интервью, проведенных в Грузии и Абхазии. Выражаю благодарность Эмилию Адельханову, Тамазу Беридзе, Давиду Дарчиашвили, Станиславу Лакобе, Мариам Лордкипанидзе и Автандилу Ментешашвили за то, что они поделились со мной своими взглядами по данной проблематике. Джордж Хьюит и Вячеслав Чирикба прислали мне ценную документацию. Я также благодарен Рейчел Клогг, Давиду Дарчиашвили, Дж. Полу Гуду, Мишелю Хейссену, Ричарду Дж. Риву, Сяокунь Сун и Алексею Звереву за их отзывы на первый вариант этой работы.

² Геродот. История. Книга вторая. Перевод и примечания Г. А. Стратановского. М.: Ладомир, 1999. С. 135. Английский перевод см. в интернетовском издании Internet Ancient History Sourcebook на сайте: <http://www.fordham.edu/halsall/ancient/herodotus-history.txt>. О взглядах Геродота см. Lordkipanidze, Otar. *Archäologie in Georgien. Von der Altsteinzeit zum Mittelalter*. Weinheim: VCH Acta Humanoria, 1991. P. 4.

Бруно Коппитерс. Интеллигенция и война. Вопрос о происхождении народов в грузино-абхазском конфликте, в сборнике: Исследования по вопросу сецессии на Кавказе. Ред. Бруно Коппитерс. Брюссель: Факультет политологии Свободного Брюссельского университета (VUB), 2011, p. 1-35 <http://poli.vub.ac.be/publi/>

© 2011 г. Все права зарезервированы. Никакая часть настоящей работы не может быть опубликована без разрешения автора.

происхождения, ибо они разделяли эти характерные признаки со многими другими народами. Иные греки и некоторые римские знатоки вопреки этому утверждали, что жители данного региона происходили из Пиренеев, т. е. пришли с территории современной Испании. А грузинские авторы средневековья испытывали более религиозный интерес к этому вопросу и возводили происхождение своего народа к Библии. Картлос, потомок Ноя, считался «прародителем» грузинского народа³.

В 1824 г. французский историк Сезар Фамен с сомнением отнесся ко всем этим попыткам проследить этническое происхождение различных народов Кавказа. Древние авторы собрали драгоценные знания о народах Кавказа, но не сумели разгадать подлинное прошлое региона, поскольку не обладали современными критическими методами историографии и географии: «В степях Кавказа легче найти частички обычного песка, последовательно нанесенные туда пустынными ветрами, чем распутать генеалогический хаос древних жителей Кавказского региона. Геродот, Фукидид, Диодор, Плиний и Страбон несомненно дают драгоценнейшую информацию в этом плане; но в то время, когда эти почтенные историки писали свои труды, у них не было всех тех ресурсов, которые несколько столетий спустя развитие человеческого знания предоставило в распоряжение географов и историков»⁴. Историки Греции, Рима и Византии совершали ошибку, присваивая одно и то же имя различным народам, в последовательном порядке населявшим этот регион, и при этом давая различные имена одному и тому же народу. Критической историографии приходится пересматривать истинность описаний, подобных тем, что приводили древнегреческие авторы. Основание колоний дало грекам возможность собрать значительные сведения о народах, населявших Кавказ, но их поэтический гений («*g nie po tique*») окутал исторические факты завесой мифического знания.

Трудность установления происхождения различных наций Кавказа - Фамен насчитал не менее двадцати из них в свою эпоху⁵ - была вызвана также и объективными причинами. В период античности существовали сотни различных племен, четкие и точные территориальные границы которых было трудно определить. Кроме того, шедшие друг за другом иностранные вторжения подрывали внутренние экономические и политические процессы. Поэтому проникнутая

³ Ibid.

⁴ Famin C sar. R gion Caucasiennne // L'Univers, ou Histoire et description de tous les peuples, de leurs religions, moeurs, coutumes, etc. Weimar: Grossherzogl. S chs. Priv. Landes-Industrie-Comptoirs, 1824. P. 16.

критическим духом историография сталкивалась с исключительно сложной задачей, пытаясь разобраться с тем, что в действительности произошло в этом регионе⁶.

Противопоставляя современный ему критический анализ поэтическому и религиозному воображению древних, Фамен в попытке проследить истоки происхождения наций Кавказа был проводником ценностей, характерных для ученого первой половины XIX века. Вопрос о происхождении наций Кавказа имел политическое значение еще до наступления современной нам эпохи. Тогда он позволял, например, оправдать династические притязания⁷. Но этот вопрос приобрел совершенно иное политическое значение в наше время, превратившись в составную часть дискуссии о праве на самоопределение и о делимитации межгосударственных границ.

Данная статья посвящена роли интеллигенции в конфликте между грузинской и абхазской общинами и использованию ими истории – и особенно методов изучения этногенеза – в качестве инструмента национальной мобилизации. Политическое значение этой научной дискуссии в коммунистическую эпоху по вопросу о легитимности советских федеративных институтов представляет большой интерес. С появлением первых признаков десталинизации дебаты об исторических правах на территорию Абхазии стали даже одним из основных направлений конфликта между обеими национальными общинами. Начиная с 1980-х годов эти дебаты были тесно связаны с попытками абхазского национального движения добиться отделения Абхазии от Грузинской Советской Социалистической Республики. В предлагаемой читателю работе рассматриваются научные дисциплины и типы аргументации, задействованные в этих дискуссиях, а также образ мысли историков из обеих национальных общин и вопрос об ответственности интеллигенции за вступление Грузии в войну с Абхазией в августе 1992 г.

Данная статья подразделена на три части. В первой рассматривается собственно история конфликта вплоть до войны 1992-93 гг. Институциональные рамки, в которых разворачивались дебаты, использование научных аргументов и дисциплин, моральная ответственность интеллектуалов и их критическая самооценка будут

⁵ Ibid. P. 19.

⁶ Ibid. P. 17-19. В своей реконструкции исторического прошлого Кавказа Фамен широко использует древние источники, а также тексты мифического и религиозного содержания; при этом он критически относился к этим источникам, считая их в высшей мере спекулятивными.

⁷ О том, как использовалась история во времена правления Багратионов см. Gordadzé Thorniké. La réforme du passé. L'effort historiographique de construction de la nation géorgienne // Revue d'études comparatives Est-Ouest. 1999. Vol. 30. No. 1. P. 75.

рассмотрены в этой части. Различные факторы, объясняющие те или иные аспекты этого интеллектуального конфликта будут проанализированы в качестве взаимосвязанных элементов в хронологическом порядке. Вторая часть содержит углубленную интерпретацию вопроса о воздействии, оказанном интеллигенцией на грузино-абхазский конфликт, путем анализа отдельных факторов. Третья часть подводит итог данному анализу, описывая то, как в литературе, появившейся после войны, оценивается роль, которую сыграли интеллектуалы в предвоенный период, и какие суждения выносятся по этому поводу.

История конфликта

1930-е годы были черными годами для Советского Союза. Сталинский террор подавлял любые формы инакомыслия в советском обществе и в самой коммунистической партии, независимо от национальной принадлежности ее членов⁸. Он, в частности, был направлен против любых идей, которые в той или иной мере можно было охарактеризовать как националистические. Политика репрессий проводилась рука об руку с реформой этнофедеративных советских институтов. В 1936 г. Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика была расформирована и преобразована в три республики: Армению, Азербайджан и Грузию. Каждая из них стала советской социалистической республикой (ССР). Так называемые «титульные нации» этих республик (соответственно армяне, азербайджанцы, грузины, которые дали им свое название) имели право на самоопределение вплоть до отделения от Советского Союза. Конституция 1936 г. формально признала союзные республики суверенными государствами, обладающими правом на отделение.

Пока КПСС сохраняла за собой руководящую роль во всем государстве и осуществляла прочный контроль над всеми подчиненными составными частями советского государства, подобные права никогда не могли быть реализованы на практике, однако для тех наций, на которые оно распространялось, значение его было далеко не символическим. Вопрос об этом праве был еще более принципиальным для тех наций, которые получили более низкий статус. Так,

⁸ Из 644 делегатов X Съезда Коммунистической партии Грузии, состоявшегося в мае 1937 г., 425 были арестованы и расстреляны. См. Knight Amy. Beria. Stalin's First Lieutenant. Princeton/New Jersey: Princeton University Press, 1993. P. 84.

Абхазская Автономная Советская Социалистическая Республика (Абхазская АССР) не располагала суверенитетом или правом на отделение, равно как не было у нее и права требовать повышения своего политического статуса, получение которого означало бы ее отделение от Грузии. Входя в состав Грузии, союзной республики, Абхазия, будучи автономной республикой, находилась в зависимости одновременно от коммунистического руководства в Москве и от тбилисских властей. Абхазская АССР, как уже было сказано выше, не получила ни суверенитета, ни права на отделение или одностороннее изменение своего статуса. Ведь по Конституции СССР территорию союзной республики нельзя было менять без ее согласия⁹.

В Грузии и Абхазии сталинский террор получил специфическую окраску. Лидер коммунистов Абхазии Нестор Лакоба был в декабре 1936 г. отравлен Лаврентием Берией, руководителем Коммунистической партии Грузии, являвшимся приближенным Сталина¹⁰. Тот факт, что Берия был мингрелом родом из деревни Мерхеули в Абхазии, находящейся неподалеку от абхазской столицы Сухум(и)¹¹, наложил особый отпечаток на ту политику, которую он проводил от имени советского государства¹². Мингрелы составляют часть грузинской нации, но говорят на своем языке и имеют собственную культуру. Они глубоко укоренились в Абхазии и их вековой конфликт с абхазской этнической общиной был при советской власти затушеван, но не устранен¹³. Абхазы воспринимали действия Берии как попытку грузинской стороны утвердить первенство грузинской стороны в этом локальном конфликте. Политика Берии проводилась от имени советского государства, но, по мнению абхазов, были направлены на установление контроля мингрелов, а следовательно грузин, над Абхазией. Берия начал чистку среди руководящих кадров абхазского происхождения в автономной республике, ставя на их место мингрелов. Кроме того, он развернул кампанию, явной целью которой была ликвидация абхазской культуры.

⁹ См. Aspaturian Vernon V. *The Union Republics in Soviet Diplomacy. A Study of Soviet Federalism in the Service of Soviet Foreign Policy.* Geneva and Paris: E. Droz and Minard, 1960. P. 126.

¹⁰ О партийной карьере Берии см. Лаврентий Берия. 1953. Документы. Москва: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 429-430.

¹¹ Грузинские авторы говорят «Сухуми», абхазы - «Сухум». Мы пользуемся названием «Сухум(и)».

¹² Knight. *Op. cit.* P. 14.

¹³ В процитированной выше работе, Сезар Фамен описывает то, каким образом абхазы участвовали в конфликтах с соседними общинами и поселениями русских, мингрелов и черкесов: «Грузины называют абазов именем абкасси; несколько географов называют их страну Абкассия, и даже Авогаси; сами же они приняли в конце концов название Абзне ... Абазы живут в состоянии постоянной враждебности со своими соседями – русскими из Суджук-Кале и мингрелами; но нет у

В отличие от других народов региона, абхазское население не было депортировано при сталинском режиме. Небольшая численность абхазов (результат политики принудительной эмиграции в Османскую империю, проводившейся в XIX в. во времена царизма) несомненно может объяснить причину того, почему сталинский режим не стал подвергать их высылке в Среднюю Азию – судьба, которая выпала на долю других народов Кавказа – таких как чеченцы и ингуши. Абхазское население составляло в Абхазии меньшинство в 56 тыс. из общего числа в 311 тыс. жителей Абхазии¹⁴, что, конечно же, облегчало задачу их полной ассимиляции.

После 1937 г. книги на абхазском языке печатались только грузинским шрифтом. Это решение о перемене алфавита было отменено лишь в 1954 г., после смерти Сталина¹⁵. Абхазские школы в 1944-1953 гг были закрыты¹⁶. В тот же период, правительство Грузии развернуло программу колонизации территории Абхазии. Волны иммиграции грузинских, русских и армянских рабочих радикальным образом изменили демографическую ситуацию в республике. В 1926-1939 гг. грузинская иммиграция была не очень велика, однако она резко выросла в период 1939-1959 гг.¹⁷ За этот период грузинское – особенно мингрельское – население Абхазии возросло на 66 тыс., что резко отличалось от демографической динамики абхазского меньшинства, численность которого выросла лишь на 5 тыс. за тот же период.

В итоге советская политика обострила и без того глубокий антагонизм, сохранявшийся в отношениях между двумя общинами Абхазии. Политические соображения, стоявшие за решением обеспечить массовый приток в Абхазию рабочей силы, непросто отделить от экономических причин; действительно, оба рода соображений были во всяком случае тесно связаны в рамках плановой экономики советского типа. Правда, миграционные потоки являются нормальным следствием

них более опасного врага, чем народ, кажущийся более всего на них похожим и им близким – черкесы». Famin. Op.cit. P. 33.

¹⁴ По данным переписи 1939 г. См. Müller Daniel. Demography // Hewitt (ed.). Op. cit. P. 235-236.

¹⁵ С 1926 по 1954 г. абхазская орфография менялась четыре раза: в 1926 г. алфавит на русской основе был заменен алфавитом на латинской основе. В 1928 г. был введен еще один алфавит на латинской основе. В 1937 г. он был заменен алфавитом на грузинской основе. Наконец, в 1954 г. был введен и ныне действующий алфавит на русской основе. См. Avidzba Vasilij. Literature & Linguistic Politics // Hewitt (ed.). Op. cit. P. 177.

¹⁶ Hewitt (имя автора в публикации не упоминалось). Guests on their own territory // Index on Censorship, 1/90. P. 23.

модернизации традиционных обществ и экономического развития. Однако у абхазской общины имелись веские основания считать, что приток грузинских поселенцев был вызван в первую очередь решимостью Тбилиси установить более строгий контроль над своей территорией. Подобное ощущение было усилено исторической памятью о российских программах колонизации и изгнания населения, проводившихся царским режимом в регионе. Ведь во второй половине XIX в. России удалось замирить эту часть Кавказа ценой принудительной миграции в Османскую империю значительной части абхазского населения¹⁸.

Несмотря на то, что многонациональный состав населения традиционно являлся нормой для Кавказа, совместное проживание с грузинами воспринималось тогда абхазами как угроза. Правда, вследствие политики десталинизации положение абхазской общины улучшилось: были приняты меры по повышению статуса абхазского и русского языка на абхазской территории и Сухумский педагогический институт ввел в 1954 г. новые курсы об абхазских языках и литературе для преподавателей¹⁹. Но несмотря на эти улучшения, в абхазской общине сохранялись опасения того, что грузинские власти Тбилиси все-таки добьются того, что лишат их не только статуса титульной нации Абхазской АССР, но и их территории. Абхазские элиты рассматривали любые академические дебаты о древней истории своей земли, происхождении ее обитателей и их языков как нечто потенциально опасное, угрожающее самому выживанию их этноса. Во времена Сталина и Хрущева нельзя было ни публично выражать эти опасения, ни выдвинуть для их предотвращения политическую программу, однако постепенно это порождало своеобразную интеллектуальную дискуссию между национальными общинами.

В 1954 г. историк-литературовед Павле Ингороква²⁰ опубликовал книгу об исторических истоках народов, населяющих Абхазию; в ней он опровергал мнение о

¹⁷ Müller. Op. cit. P. 235; Slider Darrell. Crisis and Response in Soviet Nationality Policy: the Case of Abkhazia // Central Asian Survey. Vol. 4. No. 4. P. 52. В период 1926-39 гг. иммиграция русских, греков и армян была намного большей, чем иммиграция грузин.

¹⁸ По этому вопросу см. Lakoba. Op. cit. P. 81-85.

¹⁹ Graham Smith, Vivien Law, Andrew Wilson, Annette Bohr and Edward Allworth, Nationbuilding in the Post-Soviet Borderlands. The Politics of National Identities, Cambridge, Cambridge University Press, 1998. P. 171.

²⁰ Об Ингорокве см. Appendix to Documents from the KGB Archive in Sukhum. Abkhazia in the Stalin Years, translated by G. Hewitt. Central Asian Survey. Vol. 15. No. 2. 1996. P. 267; Hewitt, George. Introduction to Hewitt (ed.). Op. cit. P. 18 ff.; Lakoba. Op. cit. P. 15-18; Gerber. P. 125-126. Тезис, согласно которому абхазы являлись достаточно поздними пришельцами в Абхазии, был впервые выдвинут грузинским историком Давидом Бахрадзе в 1889 г. См. Hewitt George. The Role of Scholars in the Abkhazians Loss of Trust in the Georgians and How to Remedy the Situation // Tütüncü Mehmet (ed.). Caucasus: War and Peace. Haarlem: Sota, 1998. P. 118.

том, что абхазы были исконными жителями этого региона. С его точки зрения, они мигрировали в Абхазию с Северного Кавказа в XVII в., восприняв этноним «подлинных» абхазов, тогда как последние, по описаниям древних источников, на самом деле были грузинами. Этот тезис основывался на интерпретации исторических документов и лингвистическом анализе географических названий.

Предложенная Ингороквой трактовка истории, воспринятая другими учеными Грузии, привела в августе 1956 г. к открытым протестам абхазов, в которых участвовали председатель Совета Министров Абхазии и другие руководящие работники Коммунистической партии Абхазии. Не следует забывать, что в те времена у всех еще была свежа в памяти сталинская депортация многих национальных меньшинств. У абхазов имелись веские основания считать, что однажды подобные акции могут повториться. Тезис Ингороквы не только обеспечивал легитимизацию грузинской политики колонизации Абхазии, но мог бы послужить оправданием курса на депортацию²¹.

Публикация книги Ингороквы могла фактически быть интерпретирована как знак того, что грузинские власти готовы бросить вызов правам и статус абхазской титульной нации. Ведь в Советской Грузии не существовало ни академических свобод, ни свободы печати, и исторические исследования были крайне политизированы и находились под жестким контролем грузинских властей. Эти власти не потерпели бы никаких публикаций, ставящих под вопрос их политику. В соответствии с традиционной советской политикой, публикации, возбуждающие межэтнические конфликты, были запрещены. Таким образом, нежелание запретить издание книги Ингороквы носило исключительный характер, политическое значение которого не могло укрыться от абхазской интеллигенции.

Вслед за протестами абхазов, направленными против популяризации данного тезиса о неэндогенном характере их общины, последовало первое обращение к властям СССР с просьбой об отделении абхазской территории от Грузии. В апреле 1957 г. группа видных представителей абхазской общественности потребовала от центральных властей включить Абхазскую ССР в состав Российской Федерации. Подписавшие это обращение обосновывали это требование положением о том, что титульная нация имеет исключительное право определять политический статус

²¹ По утверждению Джорджа Хьюита (высказанному в личной беседе), планы депортации абхазов в 1948 г. были отменены в последнюю минуту. Утверждения Ингороквы были сперва опубликованы в журнальной статье в конце 1940-х годов.

своей родины. Советские власти отвергли идею подобного переподчинения, но оказали серьезное давление на компартию Грузии, вынудив ее изменить свою национальную политику в отношении абхазской общины, так что в июне 1957 г. Тбилиси дистанцировался от тезиса Ингороквы²².

За год до этого, в августе 1956 г. Центральному Комитету Коммунистической партии Грузии уже пришлось признать, что он придерживался ошибочного курса в отношении многочисленных этнических меньшинств республики. В ходе этой самокритики была отвергнута политика «разделяй и властвуй», которая привела к обострению этнической напряженности: «В Абхазии и Южной Осетии конфликт между грузинами, абхазами, армянами и осетинами искусственно подогревался, сознательно проводилась политика, ведущая к ликвидации на местах национальных культур абхазов, армян и осетин и их принудительной ассимиляции»²³. Однако столь радикальная самокритика не создала почвы для более эффективной интеграции абхазской общины в политические структуры Грузии. Тот факт, что утверждения Ингороквы были признаны неправильными лишь в июне 1957 г. – через год после того, как грузинское коммунистическое руководство подвергло себя самокритике – был явным признаком трудностей в достижении грузино-абхазского примирения.

Вдобавок к этому, тезис о неавтохтонном характере абхазского населения, тем не менее, продолжал существовать. Через десять лет после издания книги Ингороквы грузин Н. А. Бердзенишвили опубликовал работу с аналогичными утверждениями, а власти в Тбилиси вновь воздержались от того, чтобы осудить их. В напечатанной в марте 1967 г. в журнале компартии рецензии на эту работу, даже содержалась похвала этому тезису как «важному вкладу в грузинскую историческую науку»²⁴. Абхазские интеллектуалы вновь выступили с протестом, на сей раз против этой публикации и в особенности против того, что руководство Грузии не осудило ее. Советским властям было направлено новое обращение с требованием об отделении Абхазии. На заседании Бюро ЦК компартии Грузии в марте 1967 г. протест абхазских делегатов обсуждался, но не нашел понимания. По заявлению, сделанному от имени ЦК его секретарем Стуруа, взгляды Н. А. Бердзенишвили не содержали «ничего оскорбительного для абхазов» и не должны были использоваться для оправдания каких-либо нарушений общественного порядка.

²² Gerber. Op. cit. P. 126.

²³ Цит. по Gerber. Op. cit. P. 125.

²⁴ Цит. по *ibid.*. P. 127.

В январе 1976 г., в ходе XXV съезда компартии Грузии глава партии Эдуард Шеварднадзе выступил с призывом приложить бóльшие усилия для преодоления существующего неравенства между национальными общинами Грузинской ССР в сфере образования и культуры. Абхазии были обещаны крупные капиталовложения в ее экономику. Однако подобная политика, нацеленная на ликвидацию материальных причин этнического конфликта, была недостаточной, чтобы остановить сепаратистские устремления в Абхазии. Этот подход не принес успеха и в том, чтобы снизить накал националистических настроений в самой Грузии.

В Грузии, в ходе дискуссий по вопросам политики в сфере образования и пересмотра советской конституции, развернувшихся в 1977 г., вспыхнули новые конфликты. В Коммунистической партии Грузии и в среде грузинской интеллигенции существовали опасения, что распространение в республике двуязычного русско-грузинского образования приведет к принижению грузинского языка. Проект новой конституции, предложенный руководством СССР, предусматривал к тому же отмену привилегированного статуса грузинского языка в качестве «государственного языка» и ставил в равное положение все языки, использовавшиеся на грузинской территории. То был вызов привилегиям титульной нации, которая, впрочем, составляла тогда 68% всего населения Грузинской ССР²⁵, и он был воспринят грузинским общественным мнением как попытка русификации своей родины. Важную роль в противодействии этому проекту сыграл Союз Писателей Грузии. После широких протестов, в том числе и демонстраций, в которых принимало участие по несколько тысяч человек, соответствующее положение новой конституции было отменено в апреле 1978 г. Грузинский остался официальным государственным языком республики²⁶.

В Абхазии в декабре 1977 г. было обнародовано письмо за подписью 130 видных интеллектуалов и партийных работников, в котором грузинские власти обвинялись в продолжении политики Берии и в «грузинизации» их республики²⁷. Авторы письма вновь ставили вопрос о вхождении Абхазии в состав России. Весной 1978 г. по Абхазии прокатились многочисленные демонстрации. В мае 12 тыс. человек

²⁵ По данным, приведенным в Gachechiladze Revaz. *The New Georgia. Space, Society, Politics*. London: UCL Press, 1995. P. 74.

²⁶ Gelaschwili. *Op. cit.* P. 148-9; Gerber. *Op. cit.* P. 93-95.

²⁷ Подробнее см. Slider. *Op. cit.* P. 59-61; Gerber. *Op. cit.* P. 130-135; Suny Ronald Grigor. *On the Road to Independence: Cultural Cohesion and Ethnic Revival in a Multinational Society* // Suny R. S. (ed.). *Transcaucasia, Nationalism, and Social Change. Essays on the History of Armenia, Azerbaijan, and Georgia*. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1996. P. 395.

собралось в деревне Лыхны - традиционном месте сбора, где старейшины абхазской общины обсуждали общественные дела; собравшиеся подписали здесь призыв к отделению от Грузии. Центральное руководство в Москве, обеспокоенное этими беспорядками и слабеющим влиянием местных партийных руководителей, решило вмешаться.

Глава абхазской компартии был снят со своего поста, а требование о включении Абхазии в состав Российской Федерации отвергнуто советскими властями. Москва также высказалась против лишения грузинского языка статуса официального языка в Абхазии. В то же время, некоторые другие требования абхазской стороны Москва сочла справедливыми. Было принято постановление об улучшении материальных условий жизни в автономной республике, совершенствовании местной инфраструктуры и создании новых промышленных предприятий. Кроме того, абхазская община, составлявшая меньшинство с демографической точки зрения, должна была быть представлена на властном уровне в непропорционально большом объеме. Было также сочтено целесообразным предоставить Абхазии большую институциональную автономию в области науки, образования и СМИ. В порядке реакции на движения протеста в 1978 г. Сухум(и) получил свой университет – Педагогический институт был преобразован в Абхазский государственный университет, призванный привлекать студентов со всей западной Грузии. В нем существовали абхазское, грузинское и русское отделения. У Абхазии появилась и своя телевизионная станция, передававшая по несколько часов в неделю программы на абхазском языке²⁸.

Но всех этих уступок оказалось недостаточно, чтобы полностью прекратить дискуссию об этногенезе. Абхазские историки Г. Дзидзария и З. Анчабадзе решили доказать, что тезис Ингороквы не был предан забвению после его осуждения со стороны Тбилиси. В 1978 г. они представили Коммунистической партии Грузии свою работу, в которой утверждалось, что не менее чем в 32 публикациях, по большей части научных, в более или менее модифицированной форме повторялся тезис Ингороквы²⁹.

Грузинское коммунистическое руководство решило тогда наложить запрет на любую публичную дискуссию по абхазскому вопросу и по поводу распределения

²⁸ Lakoba. Op. cit. P. 98.

²⁹ Ibid.. P. 132.

власти в Абхазии. На эту тему было наложено табу³⁰. Ключевые посты в руководстве Абхазии распределялись в соответствии со сложной системой, основанной на этнических критериях. Некоторые посты могли занимать лишь «этнические» грузины, тогда как другие – только этнические абхазы или русские. Такое распределение властных полномочий обеспечивало известную степень стабильности политической системы. Вместе с тем, отсутствие транспарентности и демократической легитимности вело к обострению напряженности в отношениях между этническими общинами. Запрещая обсуждать подобные сюжеты, коммунистическая власть пыталась избежать полемики. Ни одна из общин не имела права ставить под вопрос привилегии, предоставленные другой общине, поскольку было сочтено, что такие дискуссии лишь подольют масла в огонь скрытого конфликта. Тем не менее сам факт запрета на любое обсуждение абхазской проблемы в партии и СМИ не давал возможности разрешения самих этих конфликтов.

В то время как абхазские интеллектуалы боялись грузинизации Абхазии, грузинские интеллектуалы со своей стороны испытывали страх по поводу русификации региона. То, что русский язык использовался в качестве *lingua franca* в отношениях между различными общинами, населявшими Абхазию – воспринималось как угроза грузинской культуре. Таким образом, грузино-абхазский межобщинный конфликт стал тесно связан с нарастающей напряженностью в российско-грузинских отношениях.

Тот факт, что властями было запрещено открыто обсуждать отношения между грузинами и абхазами, привел к тому, что опасения и жалобы обеих общин стали искать выхода в диссидентской литературе. С начала 1980-х гг. в литературе грузинского самиздата зазвучали протесты против условий жизни грузинского населения Абхазии.

Эта литература выдвинулась в качестве выразителя чаяний грузинского национального движения. Один из ее тезисов состоял в том, что советская политика экономической модернизации привела к несправедливому укреплению позиций миноритарных наций в Грузии, предоставив несоразмерные политические привилегии абхазам и осетинам. Эта политика, как считалось, несла ответственность за ослабление позиций грузин в своей собственной республике.

³⁰ Gerber. Op. cit. P. 135.

Диссидентство противилось также другим формам модернизации. Появившиеся во второй половине 1980-х гг. планы строительства новой транскавказской железной дороги, призванной связать Тбилиси и Владикавказ (до 1990 г. назывался Орджоникидзе) в Российской Федерации, натолкнулись на оппозицию, выступавшую под лозунгом сохранения экологического равновесия на севере Грузии. Кроме того, проект потребовал бы сноса памятников культуры. Некоторые националисты считали также, что эта железная дорога будет стимулировать иммиграцию в Грузию рабочей силы иных национальностей³¹.

3 июня 1987 г. была обнародована декларация, подписанная 800 писателей, деятелей культуры и ученых (среди которых были Мераб Костава и Звиад Гамсахурдиа); декларация, направленная Генеральному секретарю Горбачеву, оценивала этот проект как удар по суверенитету Грузии. В ней содержались также некоторые положения о статусе меньшинств. Подписавшие декларацию заявляли, что право народа на свою определенную территорию является священным и, в принципе, неделимым. Они сравнивали страну с домом, в котором есть лишь один хозяин, тогда как все остальные жильцы являются гостями.

Что касается дискуссии об этногенезе Абхазии, то тезис Ингороквы, отрицавший автохтонный характер абхазов на их территории, был принят во внимание грузинской интеллигенцией, но, тем не менее, не стал доминирующей точкой зрения³². Напротив, в грузинском националистическом движении существовало влиятельное течение, считавшее, что следует упразднить политическую автономию Абхазии и статус привилегированной титульной нации для абхазов, предоставив им взамен культурную автономию³³.

Начиная с 1957 г., движения протеста, участники которых выдвигали требования об укреплении статуса Абхазии, в том числе путем отделения, происходили в Абхазской Республике каждые десять лет³⁴. В 1957, 1967 и 1977 гг. эти движения были тесно связаны с полемикой в академических кругах о происхождении населения автономной республики. Четвертая волна протестов прокатилась в тот момент, когда в СССР началась демократизация государственных структур. Политические реформы создали условия для новых форм политической

³¹ Ibid.. P. 153-160.

³² См. Нодиа Гиа. Конфликт в Абхазии: Национальные проекты и политические обстоятельства // Коппитерс Б., Нодиа Г. и Анчабадзе Ю. (ред.). Грузины и абхазы. М.: Весь мир. 1998. С. 35.

³³ Gelaschwili. Op. cit. P. 88.

мобилизации и поставили на повестку дня вопрос о перераспределении властных полномочий между элитами и национальными группами.

В так называемом «Абхазском письме», написанном в июне 1988 г. по инициативе Союза писателей Абхазии и направленном руководству КПСС, 60 представителей абхазской общины – все они были членами партии, а некоторые занимали в ней высокие посты – вновь потребовали отделения Абхазии от Грузинской ССР³⁴. Они хотели, чтобы для Абхазии был восстановлен статус союзной Республики, который в свое время, сразу после установления советской власти, уже был ей предоставлен. В письме утверждалось, что в 1931 г. Абхазия была несправедливо понижена в статусе до уровня автономной республики в составе Грузии. По мнению авторов письма, власти Тбилиси проводили в отношении Абхазии колониальную политику как до, так и после установления советской власти в 1921 г. В этом плане, между политикой меньшевистского правительства, правившего Грузией в 1918-1921 гг., и последовавшей за большевистским переворотом 1921 г. политикой коммунистического руководства Грузии не было никакой принципиальной разницы. И меньшевики, и большевики были выразителями грузинского колониализма. Авторы письма не видели никакой возможности преодолеть конфликт с Грузией. Сецессия представлялась единственным выходом. В марте 1989 г. примерно 30 тыс. человек собралось в Лыхны. Некоторые представители национальных меньшинств Абхазии из греческой, армянской и русской общин приняли участие в этом мероприятии. Их призыв, обращенный к руководителю партии Михаилу Горбачеву, содержал повторение перечня прежних требований.

Однако не только абхазское руководство мобилизовало общественную поддержку – грузинское национальное движение также стремилось заручиться поддержкой своего населения. При этом, в обоих случаях первостепенную роль в процессе активизации масс играли интеллектуалы и ученые. Включение интеллигенции в публичные дебаты приобрело новое значение из-за обострявшейся между двумя общинами «войны СМИ». В грузинской и абхазской прессе печаталось множество статей, осуждавших позицию другой стороны. Каждая сторона полемики ориентировалась на свою аудиторию, что являлось частью кампании по

³⁴ Chervonnaya Svetlana. Conflict in the Caucasus. Georgia, Abkhazia and the Russian Shadow. London: Gothic Image, 1994. P. 32.

³⁵ О грузино-абхазских отношениях в период перестройки см. Gerber. Op. cit. P. 136-147.

мобилизации своей общины, причем аргументы исторического характера, на базе которых выдвигались научно обоснованные притязания, озвучивались как журналистами, так и непосредственно самими учеными. Самыми значимыми темами исторической полемики были происхождение современного населения Абхазии и грузино-абхазские отношения в период 1918-21 гг. В грузинских СМИ были полностью реабилитированы идеи Ингороквы, причем их поддержал сам лидер националистов Звиад Гамсахурдиа³⁶. К тому же убеждение грузинской стороны, что конфликт с абхазской общиной являлся в своей основе результатом российских манипуляций, поддерживалось историками, заявлявшими, что политическая автономия была предоставлена Абхазии – как, впрочем, и Южной Осетии – в порядке вознаграждения за поддержку их руководителями большевистской аннексии Грузии³⁷.

В 1989 г. грузинское национальное движение сосредоточило свое внимание на конфликте с населением Юго-Осетинской автономной области³⁸, но конфликт между Тбилиси и абхазским руководством в Сухум(и) тем временем также продолжал обостряться. 14 мая 1989 г. Совет Министров Грузии принял решение создать в Сухум(и) отделение Тбилисского государственного университета, расколов для этого уже существовавший и действовавший на многоязычной основе Абхазский университет. Этот вопрос тут же стал одним из основных источников распри между грузинской и абхазской общинами в Абхазии. Абхазское национальное движение увязало вопрос о едином Абхазском университете с выживанием абхазской культуры, заявляя, что права нации «подвергаются удушению на ее собственной земле»³⁹. Попытка разделить университетские структуры привела к насильственным столкновениям, вначале в Сухум(и) 15 июля 1989 г., а днем позже в абхазском городе Очамчире.

Грузинские власти опасались того, что Москва воспользуется распространением насилия, чтобы ввести в Абхазской АССР чрезвычайное положение и таким образом

³⁶ Hewitt. The Role of Scholars in the Abkhazians Loss of Trust in the Georgians and how to Remedy the Situation. Op. cit. P. 120. Hewitt (ed.). P. 19.

³⁷ Gerber. Op. cit. p. 139; Chervonnaya. Op. cit. P. 55-56.

³⁸ О конфликте с Южной Осетией см. Зверев Алексей. Этнические конфликты на Кавказе, 1988—1994 гг. // Коппитерс Бруно (ред.). Спорные границы на Кавказе. М.: Весь мир. 1996. С. 11-76. См. также <http://poli.vub.ac.be/>

³⁹ Hewitt. A Reply to Paul Henze's Views on Georgia. 1993. On the website www.apsny.org; Yuri Anchabadze. History: the modern period // Hewitt (ed.). Op. cit. P. 133; Попков Виктор. Soviet Abkhazia 1989: a personal account // Hewitt (ed.). P. 105. Gelaschwili Naira. P. 96-98; Khiba Zaira K. An Abkhazian's Response. Index on Censorship. 5/90. P. 30-31.

отобрать у Тбилиси власть над этой территорией. Согласно этому сценарию, локальные конфликты – вооружение населения и уличные столкновения – подготовляли почву для упразднения грузинской власти и последующей сепаратизации Абхазии. Однако такие опасения не побудили Тбилиси принять меры по деэскалации конфликта. Напротив. В августе 1989 г. была в качестве закона принята Государственная программа грузинского языка, предусматривавшая обязательное преподавание грузинского во всех школах республики. Сдача экзамена по грузинскому языку и литературе отныне становилась основным условием для поступления в вузы на всей территории Грузии. Трудно переоценить всю тяжесть последствий этого решения для абхазов и других национальных меньшинств, в среде которых знание грузинского было, как правило, недостаточным, чтобы выдержать эти экзамены⁴⁰. Принятие этого закона оживило память о сталинских репрессиях⁴¹.

Однако в среде как грузинской, так и абхазской интеллигенции не было единодушия в отношении поддержки соответствующих руководителей. В 1990 г. два самых известных интеллектуала Грузии и Абхазии выразили несогласие с выбором в пользу национализма. Грузинский философ Мераб Мамардашвили, пользовавшийся вплоть до своей смерти в 1990 г. большим авторитетом в Грузии, открыто критиковал мобилизацию грузинского населения под националистическими лозунгами. Абхазский писатель Фазиль Искандер, чьи книги (написанные на русском языке) пользовались огромной популярностью в Советском Союзе, в разгар набирающего обороты конфликта также поднял свой голос, призывая к сдержанности. В своих литературных произведениях он и раньше с некоторой иронией описывал предрассудки абхазов в отношении своих соседей – мингрелов⁴². В 1990 г. он дистанцировался от Лыхненского обращения и от попыток сепаратизма. Он предостерег об опасности гражданской войны, в которой Абхазия может стать еще одним Нагорным Карабахом. Но ни одна из сторон конфликта не отнеслась к его предостережениям всерьез. Так, Искандера подверг критике грузинский историк Георгий Пайчадзе за то, что в своем выступлении он упомянул об имевшем место в

⁴⁰ Lakoba. Op. cit. P. 101.

⁴¹ Otyrba Gueorgui. War in Abkhazia. The Regional Significance of the Georgian-Abkhaz Conflict // Szporluk Roman (ed.). National Identity and Ethnicity in Russia and the New States of Eurasia. New York: M. E. Sharpe, 1994. P. 286.

⁴² См. например: Искандер Фазиль. Сандро из Чегема. М.: Московский рабочий. 1989.

прошлом угнетении абхазов со стороны грузинских властей. По мнению Пайчадзе, подобного угнетения никогда не существовало⁴³.

В начале 1990-х годов события, приведшие к грузинской военной интервенции 1992-93 гг., следовали одно за другим по нарастающей⁴⁴. В марте 1990 г. Грузия провозгласила свой суверенитет. Она отказалась участвовать в объявленном Горбачевым референдуме 17 марта 1991 г. о реформе федеративного устройства СССР. Однако негрузинское население Абхазии приняло участие в референдуме и подавляющим большинством проголосовало за сохранение Советского Союза. А через две недели оно не участвовало в референдуме о независимости Грузии, в ходе которого огромное большинство жителей республики проголосовало за независимость. Независимость Грузии была провозглашена в апреле 1991 г., а в следующем месяце президентом был избран Звиад Гамсахурдиа, получивший на выборах более 86% голосов. В Абхазии конфликт между двумя основными национальными общинами сделал невозможным достижение договоренности о механизмах или легитимности общей институциональной структуры. Работа парламента Абхазии была парализована в результате формирования в нем двух блоков, не способных ни о чем договориться.

В Тбилиси Звиад Гамсахурдиа был свергнут в результате государственного переворота, организованного его бывшими сторонниками из рядов полувоенных формирований. Зимой 1991-92 гг. ему пришлось бежать из Тбилиси. В марте 1992 г. в Грузию вернулся Эдуард Шеварднадзе – в прошлом глава грузинской компартии и министр иностранных дел СССР при Горбачеве. Он сумел обеспечить соблюдение соглашения о прекращении огня в Южной Осетии, однако не смог ничего сделать, чтобы разрядить ситуацию в Абхазии. В июле того же года парламент Абхазии в отсутствие депутатов-грузин, которые бойкотировали его работу, восстановил действие конституции, принятой в 1925 г. Всеабхазским Съездом Советов; по этой конституции между Абхазией и Грузией устанавливались договорные отношения, причем за Абхазией признавалось право на отделение⁴⁵. Абхазские депутаты утверждали, что этот шаг явился ответом на односторонние действия грузинского парламента, отменившего все конституционные акты советской эпохи и

⁴³ Gerber. Op. cit. P. 139.

⁴⁴ По этому вопросу см. хронологию, опубликованную в Cohen Jonathan (ed.). A Question of Sovereignty. The Georgia-Abkhazia Peace Process // Accord. An International Review of Peace Initiatives. Issue 7. 1999. P. 80-87.

⁴⁵ Otyrba. Op. cit. P. 287; Lakoba. P. 93. О Конституции 1925 г. см. Gerber. Op. cit. P. 123-124.

восстановившего грузинскую конституцию 1921 г. Эта конституция была неприемлема для абхазов, поскольку в ней содержалось лишь смутное положение об их автономии.

14 августа 1992 г. грузинская Национальная гвардия – полувоенное формирование, лидер которого Тенгиз Китовани был членом Госсовета Грузии (его председателем являлся Шеварднадзе) – вступила в Абхазию и оккупировала ее столицу Сухум(и). Достигнутая при посредничестве России договоренность о прекращении огня не была выполнена. Призывы Шеварднадзе о поддержке, обращенные к Западу, не получили ответа. В то же время абхазы не остались изолированы. Помощь добровольцев, направлявшихся сюда Конфедерацией горских народов Кавказа, и российская военная помощь, оказанная главным образом на последних этапах войны, оказались решающими факторами, обеспечившими им победу. Абхазским силам удалось выбить грузинские войска из Абхазии, и в октябре 1993 г. Грузия потерпела окончательное поражение.

В отчете ООН, подготовленном в октябре 1993 г. миссией Генерального секретаря по выявлению фактов нарушения прав человека в Абхазии, значилось, что зверства и нарушения прав человека совершались обеими сторонами конфликта. Согласно этому отчету, большинство грузин, проживавших между реками Гумиста и Ингури, пытались бежать перед приходом абхазских войск. К этому их подталкивал страх, причем абхазская сторона активно этот страх подогревала. По данным отчета ООН, те, кто все же остался в своих домах, либо сразу же убивались, либо предупреждались первыми абхазскими частями, вступавшими в Южную Абхазию, что вслед за ними движутся другие части, совершающие грабежи, поджоги и убийства. В равной мере, в отчете приводились серьезные военные преступления, совершенные в ходе конфликта грузинской стороной⁴⁶.

После подписания соглашения о прекращении огня российский контингент (формально контингент СНГ) был развернут вдоль линии противоборства. На Россию были возложена миссия содействующей стороны в конфликте. Наблюдать за перемирием была уполномочена миссия военных наблюдателей ООН в Грузии (МООНГ). Под эгидой ООН велись переговоры, однако соглашения на них достичь не удалось. Вопреки усилиям посредников, не удалось достичь значительного

⁴⁶ По этому вопросу см. Коппитерс Бруно. Оттенки серого. Намерения, мотивы и моральная ответственность в грузино-абхазском конфликте // Коппитерс., Нодиа, Анчабадзе (ред.). Грузины и абхазы. Р. 165-199.

прогресса ни в плане компромисса по политическому статусу, ни в плане возвращения беженцев. Под нажимом Грузии, Россия ввела в действие блокаду Абхазии.

Абхазия же в 1994 г. приняла новую конституцию, которая провозгласила суверенитет республики. В 1995 г. новую конституцию приняла Грузия. В ней федерализация Грузии была формально предусмотрена в ожидании мирного урегулирования конфликтов в Абхазии и Южной Осетии. На грузино-абхазских переговорах по созданию так называемого «общего государства» абхазские власти предложили план конфедеративного устройства, в рамках которого соблюдалось бы равенство и суверенный статус обеих входящих в это государство частей. Грузинские власти сочли это неприемлемым, поскольку, по их мнению, конфедерация стала бы для Абхазии точкой опоры в деле достижения ею полной независимости. С грузинской точки зрения, Абхазия должна остаться субъектом федерации в составе грузинского государства. Противоположность позиций сторон привела к тупику на переговорах.

В то же время большое число грузинских беженцев вернулись в свои дома в Гальском районе, на юге Абхазии, не получив, однако, достаточных гарантий своей безопасности. Меры по укреплению доверия также не принесли результатов, которые обе стороны сочли бы удовлетворительными. В 1999 г. Абхазия провозгласила свою независимость, которая, однако, не была признана международным сообществом.

Роль интеллигенции в конфликте между грузинской и абхазской общинами

Вопрос о компетенциях в области культуры, науки и образования

При анализе воздействия интеллигенции на растущий разрыв между двумя этническими общинами следует учитывать несколько факторов⁴⁷. Первым является укрепление привилегированного статуса титульных наций союзных и автономных республик, обеспечивающего также привилегии их руководящих элит. Привилегированное положение титульных наций было характерно для всего Советского Союза, но по мнению Грея Ходнета, непропорционально высокое

⁴⁷ См. приводимый Гербером анализ причин нарастающей напряженности в отношениях между грузинской и абхазской общинами в послесталинский период в Gerber. Op. cit. P. 127 ff.

представительство титульной нации в государственных структурах Грузии было чрезмерным даже по любым советским стандартам. Так, в период 1955-72 гг. 97,2% всех номенклатурных постов были заняты представителями грузинской нации⁴⁸. Грузины были избыточно представлены в региональных администрациях, экономическом управлении, в партийном руководстве, в министерствах и государственной службе этой союзной республики. То же самое имело место и в сфере образования⁴⁹. Национальная интеллигенция смогла консолидировать свои позиции благодаря льготам при поступлении в вузы и благодаря гегемонии в области культуры⁵⁰. В 1985 г. 91% книг и 83% газет были изданы в Грузии на грузинском языке. Программы на грузинском языке передавали две телевизионные и 11 радиостанций. На практике языковой барьер препятствовал представителям меньшинств поступать в Тбилисский государственный университет. В 1987 г. консервативный член Политбюро КПСС Е. Лигачев высказывал недовольство тем, что 98% студентов этого ведущего университета были по национальности грузинами⁵¹.

Распределение властных полномочий между Грузией - союзной республикой и Абхазией - автономной республикой - и между руководителями двух основных национальных общин в самой Абхазии было фактически связано с распределением политических и материальных привилегий. Абхазия сумела добиться уступок от Москвы и Тбилиси для укрепления своих компетенций в области культуры и образования. Эти уступки вызвали острое раздражение у грузинской общины Абхазии. Проживавшие в Абхазии грузины, которые в 1959 г. были здесь относительным большинством, составляя 39% населения республики, тогда как в 1989 г. они составляли уже 45%, чувствовали себя жертвами дискриминации, что лишь усиливало напряженность в отношениях между двумя общинами и обеими республиками.

В отличие от абхазов и осетин, другие национальные меньшинства Грузии активно не выступали против привилегированного статуса титульной нации. Представители армянского меньшинства играли, например, довольно активную роль в интеллектуальной и творческой жизни Грузии, не пытаясь при этом участвовать в

⁴⁸ Чрезмерное политическое представительство титульной нации было также характерно для Армении. См. Hodnett G. Leadership in the Soviet Republics. A Quantitative Study of Recruitment Policy. Oakville, 1978. P. 98-114. Цит. по Gerber. Op. cit. P. 42.

⁴⁹ Ibid.. P. 42-43.

⁵⁰ Smith et al. Op. cit. P. 6.

формировании отдельной идентичности своих собственных этнических общин. По мнению Марка Сарояна, культурная и политическая деятельность этих меньшинств «отражает способ поведения, который обычно препятствует формированию культуры этнических меньшинств, проживающих за пределами своих национальных ареалов»⁵². По иному, однако, обстояло дело с интеллектуалами-абхазами и осетинами, общины которых сами обладали статусом титульной нации. Создание Абхазского университета, например, было одним из важнейших проектов в рамках предпринимавшихся властями СССР усилий по умиротворению этого беспокойного региона. Наряду с Институтом языка, литературы и истории, университет стал важнейшим учреждением, вокруг которого группировалась абхазская интеллигенция, тогда как грузинская сторона называла его инструментом русификации, ссылаясь на то, что многие из его курсов читались на русском языке⁵³.

Интересно отметить, что многие грузинские ученые критиковали привилегированный статус абхазской национальности, не обращая внимание на то, что их собственная этническая община обладала гегемонией в Грузинской ССР. В книге, опубликованной во время абхазской войны, грузинский историк Мариам Лордкипанидзе назвала привилегии, предоставленные абхазами («апсуйцам») ⁵⁴ как титульной нации, несправедливыми: «Для апсуйского населения (17%) издавалось больше газет и журналов, чем для грузинского населения (47%). Апсуйцы имели свой собственный театр и свое отделение Союза писателей; они печатали книги, имели собственную радио- и телевизионную станцию (вещавшую в основном на абхазском и русском языках), Абхазский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории (являвшийся отделением Академии наук Грузинской ССР), почти все сотрудники которого были апсуйцами, занимавшимися исследованиями только по абхазской тематике. Десятки лет абхазские и русские историки писали такую «историю» Абхазии, которая искажала реальность. Основная цель этих «исторических трудов» состояла в том, чтобы представить Абхазию в качестве древней земли апсуйцев, тогда как грузины изображались как завоеватели, лишившие их своих земель, языка, письменности и культуры»⁵⁵.

⁵¹ Gerber. Op. cit. P. 99.

⁵² Saroyan Mark. Beyond the Nation-State: Culture and Ethnic Politics in Soviet Transcaucasia // Suny (ed.). Op. cit. P. 408.

⁵³ Gerber. Op. cit. P. 141.

⁵⁴ Лордкипанидзе называет абхазов «апсуйцами» (от самоназвания абхазов «апсуа»).

⁵⁵ Lordkipanidze, Mariam. Essays on Georgian History. Tbilisi: Metsniereba, 1994. P. 207-208.

Как абхазы, так и грузины находились в привилегированном положении титульной нации в плане их доступа на государственную службу, в научные и образовательные учреждения, но абхазская община находилась все же в подчиненном положении перед грузинской общиной не только в отношении доступа к сферам, где принимались политические и экономические решения в общесоюзном масштабе, но и в плане продвижения в советской научной и образовательной системе. Например, в самой Абхазии невозможно было защитить кандидатскую или докторскую диссертацию⁵⁶. Ученые из Абхазии могли получить докторскую степень только в Москве – но для этого им пришлось бы пройти через сложный процесс отбора на базе квалификационных и иных критериев – или в Тбилиси – но для этого им предстояло приспособиться к стандартам, установленным грузинскими учеными. По этой причине тесные связи с исследовательскими институтами и издательствами в Москве имели для абхазских ученых стратегическое значение⁵⁷.

Как грузины, так и абхазы находили поддержку среди либеральных реформаторов в Москве. В конце 1980-х годов в Москве в академических и политических кругах развернулись споры о будущем советского федерализма. Некоторые ученые, как например покойная Галина Старовойтова – этнограф и народный депутат СССР – выступали за предоставление равного положения всем титульным нациям. Она высказывалась в поддержку такого конфедеративного устройства, в котором не будет существовать иерархического соподчинения этнических групп. Власть делегировалась бы снизу вверх, причем каждый субъект федерации сам определял бы, какую долю суверенитета он желает делегировать советскому центру. В реформированном Союзе должно было быть разрешено даже создание новых политических единиц для тех национальных общин, которые потребуют для себя государственности⁵⁸. Депутаты, входившие в состав Межрегиональной Демократической группы, к которой принадлежал и ученый-атомщик, активист движения за права человека Андрей Сахаров, были близки к

⁵⁶ В соответствии с советской традицией первым шагом в научной карьере является защита кандидатской диссертации, а вторым – защита докторской диссертации. Этот второй докторат можно сравнить с «doctotat d'Etat» во Франции или с «Habilitation» в Германии.

⁵⁷ Светлана Червонная заходит еще дальше, называя московский Институт этнологии и антропологии «идеологическим штабом» абхазского сепаратистского движения. См. Chervonnaya. Op. cit. P. 2.

⁵⁸ Starovoitova Galina. Nationality Policies in the Period of Perestroika: Some Comments from a Political Actor // Lapidus Gail W., Zaslavsky Victor with Goldman Philip. From Union to Commonwealth. Nationalism and Separatism in the Soviet Republics. Cambridge: Cambridge University Press. 1992. P. 120. Об этой дискуссии см. Kaiser Robert J. The Geography of Nationalism in Russia and the USSR. Princeton/ New Jersey: Princeton University Press, 1994. P. 351-353.

этому мировоззрению. Эта позиция одновременно была близка к абхазской позиции по данному вопросу. Однако другие политические реформаторы опасались того, что такой подход приведет к ущемлению прав существующих союзных республик⁵⁹. Эту же точку зрения отстаивали и в Тбилиси.

По мнению грузинских политических оппонентов, Абхазский НИИ языка, литературы и истории им. Д. Гулиа стал рассадником абхазского сепаратизма, особенно после того, как в 1988 г. его директором стал Владислав Ардзинба. Подавляющее большинство работавших в нем научных сотрудников были этническими абхазами. Сам Ардзинба был специалистом по хеттам и истории Древней Передней Азии. Он стал депутатом Верховного Совета СССР, а годом позже председателем Верховного Совета Абхазии⁶⁰. Огромная важность научных институтов как мобилизующей силы и ориентира национальной идентичности хорошо осознавалась всеми сторонами конфликта. В октябре 1992 г. грузинские войска сожгли Национальный государственный архив Абхазии и Абхазский НИИ языка, литературы и истории им. Д. Гулиа⁶¹.

Политизация истории и общественных наук

Вторым фактором, который следует учитывать при анализе роли интеллектуальной продукции в конфликте между двумя общинами, является крайняя политизация истории и общественных наук в Грузии и Абхазии. Постепенно эта политизация приобретала все более радикально националистическую окраску. Грузинский и абхазский дискурсы о национальном строительстве делали упор на важность таких осязаемых характеристик, как язык или проживание того или иного народа на определенной территории «с незапамятных времен»⁶². По словам Оливера Рейснера, «поскольку национальная идентичность не рассматривается как субъективная идентификация индивидов, но скорее как объективное, общеобязательное определение принадлежности, это означает, что те группы, которые в конечном счете преуспеют в деле насаждения своего определения национальной идентичности, будут также определять интересы национального

⁵⁹ Lapidus Gail. The Impact of Perestroika on the National Question // Lapidus, Zaslavsky with Goldman. Op. cit. P. 61.

⁶⁰ Anchabadze. Op. cit. P. 136.

⁶¹ Ibid.. P. 141.

государства»⁶³. Обе общины субъективно, на уровне чувства, рассматривают Абхазию как свою родину или - в случае Грузии – как неотъемлемую часть своей родины⁶⁴.

То, что некоторые грузинские ученые не признавали автохтонности абхазского населения, подразумевало исключительные притязания грузинской нации на абхазскую территорию. Грузинские историки не обязательно разделяли этот конкретный тезис. Куда большее единство взглядов существовало между ними относительно того, что грузины с незапамятных времен были в Абхазии доминирующей группой и культурной силой⁶⁵. Исключительные притязания на абхазскую территорию выдвигались и теми абхазскими интеллектуалами, которые боролись за отделение от Грузии. Они рассматривали абхазскую политическую и культурную историю либо отдельно от истории Грузии, либо в противопоставлении ей. Их концепция национальной истории оправдывала в их глазах как исключительные привилегии, положенные титульной нации, так и правомочность сецессии как выражения их права на самоопределение.

Споры о происхождении жителей Абхазии являются отличной иллюстрацией высокого уровня политизации в Советском Союзе всех научных дебатов по территориальным и этническим вопросам. Интеллигенция грузинской и абхазской титульных наций увязывала территориальный аспект национальной идентичности с иерархической федеративной структурой, позволяющей титульной нации претендовать на исключительные привилегии на определенной территории несмотря на ее многонациональное население. Любое мнение, предполагающее необходимость учитывать принцип разнообразия при изучении происхождения населения Абхазии, признавая равенство прав всех ее жителей и анализируя миграционные процессы как следствие социально-экономического развития, было *a priori* исключено из всех академических и политических дискуссий.

В ходе научных дебатов по истории Абхазии стороны часто прибегали к использованию метода этногенеза (касающегося проблематики «зарождения народов»). Эта постановка вопроса имела не только академическое значение – она

⁶² Об объективном аспекте значения, придававшемся слову «родина» в бывшем Советском Союзе см. Kaiser. Op. cit. P. 6-10.

⁶³ Reisner Oliver. What Can and Should We Learn from Georgian History? Observations of Someone Who Was Trained in the Western Tradition of Science // Internationale Schulbuchforschung/ International Textbook Research. Vol. 20. No. 4. 1998. P. 418-419.

⁶⁴ Кайзер определяет родину, как «географическую колыбель нации, а также как «естественное» место на земле, где нация призвана реализовать свою судьбу»: Kaiser. Op. cit. P. 10.

подпитывалась в основном политическими мотивациями. Еще в XIX в. споры о правах на определенные территории шли на Кавказе параллельно со становлением здесь национализма современного типа. После революции 1917 г. тезис историка М. Н. Покровского и лингвиста Н. Я. Марра о том, что внимание в основном следует уделять стадиям развития, которые являются общими для всех советских наций – доминировал в советской исторической науке, получая поддержку от властей на самом высоком уровне. 1930-е годы в Советском Союзе происходит резкая переориентация в историографии и лингвистике, что отражало глубокие трансформации, произошедшие в политической среде. Тогда взглядам Покровского и Марра был брошен вызов исследованиями, чье внимание сосредоточивалось на индивидуальной истории различных наций, проживавших в Советском Союзе. Этот подход в большей мере, чем прежний, соответствовал новой национальной политике коммунистического руководства страны. К концу 1930-х годов исследования об этногенезе приобрели растущее значение в советских научных кругах⁶⁶. Проведение в жизнь новой парадигмы облегчалось чистками и реорганизациями, в ходе которых редели ряды сторонников прежнего подхода к истории и археологии. Переключению внимания на национальные сюжеты способствовала также реабилитация русской истории, до этого отождествлявшейся Покровским и его последователями с историей колониальной державы. Распространению методов этногенеза способствовало и появление в различных республиках новых интеллектуальных элит, во весь голос заявивших о себе после смерти Сталина в 1953 г.

К тому моменту, когда в 1954 г. предметом широкого обсуждения стал тезис Ингороквы о некоренном характере абхазского народа, уже целое поколение советских ученых было воспитано в духе специфических понятий и методов этногенеза. Местные элиты в соответствии со своими собственными традициями, системой ценностей и политическими целями стали тогда учреждать новые исследовательские программы. Усиление привилегированных позиций «титულных наций», происходившее после смерти Сталина в различных республиках СССР, шло рука об руку с нарастающей потребностью обосновать свое доминирующее положение в республике ссылкой на то, что ее территория издавна была заселена гомогенным населением предков данной титульной нации; история же

⁶⁵ Smith et al.. Op. cit. P. 55.

использовалась для доказательства ее автохтонности. Такой этноцентричный подход тесно связан с эссенциалистским представлением о нации, которое преобладает в этом методе. Этногенез воспринимает культуры как своего рода кристаллические минералы: однажды сформировавшись, их структура остается навсегда неизменной.⁶⁷ Такой подход определил специфику научных программ и особую важность некоторых дисциплин в тех или иных республиках. На позднем этапе советской эпохи в Грузии существовал один из самых высоких в мире показателей соотношения количества археологов к численности населения.⁶⁸

Политизация исторических исследований, основанная на этноцентричном подходе, порождала ситуацию, когда на иные сложные научные вопросы готовые ответы – не опирающиеся на надежные исторические свидетельства – были заданы заранее.⁶⁹ Конечно, качество различных работ по этногенезу было весьма неодинаковым в Грузии и Абхазии, однако бросается в глаза, что во всех этих исследованиях такие выражения, как «несомненно», «бесспорно» и прочие из этого ряда, употреблялись гораздо чаще, чем можно было бы ожидать, учитывая тот факт, что материальные источники, использовавшиеся для реконструкции этнической карты региона, оставляют простор для различного рода интерпретаций. Это в особенности относится к изучению истории Абхазии до н.э.

Похоже, что многие грузинские и абхазские историки убеждены в правдивости своей трактовки истории не меньше, чем Геродот, по утверждению которого колхи – это египтяне. Звучат претензии на достоверность интерпретаций относительно протоабхазского или протогрузинского характера древнего населения территории нынешней Абхазии, или относительно реконструкции исторической преемственности этнического состава населения региона, и все это делается так, будто археологические данные или классические тексты служат тому безусловным подтверждением.⁷⁰ Высокая ценность подобных интерпретаций с политической

⁶⁶ См.. Shnirelman Victor A. From Internationalism to Nationalism: Forgotten Pages of Soviet Archaeology in the 1930s and 1940s // Kohl Philip. L. and Fawcett Clare (eds). Nationalism, Politics and the Practice of Archaeology, Cambridge: Cambridge University Press., 1995. P. 120-138.

⁶⁷ Критика эссенциализма в археологии Кавказа содержится в: Kohl and Tssetskhladze. Op. cit. P. 150-151.

⁶⁸ Kohl Philip L. and Tssetskhladze Gocha R. Nationalism and Archaeology in the Caucasus // Kohl and Fawcett. Op. cit. P. 158. Эту оценку в разговоре со мной подтвердил археолог из Абхазии Виктор Логинов. Однако не существует точных данных, которые позволили бы провести сравнение, например, с Израилем.

⁶⁹ Smith et al.. Op. cit. P. 58.

⁷⁰ «В научной литературе нет консенсуса относительно древнейшей этнической карты Западной Грузии, особенно ее черноморского побережья. Однако сказанное относится к периоду глубокой

точки зрения, а также отсутствие академической свободы, позволяющей обсуждать результаты исследований, сделали затруднительным достижение существенного методологического прогресса в критической историографии.⁷¹

Еще более явным признаком острой политизации гуманитарных наук в Грузии и Абхазии является прямое участие интеллектуалов в политическом конфликте между двумя общинами. Начиная с 80-х гг. XX в. число исторических тем и научных дисциплин, используемых для оправдания прав Грузии и Абхазии на национальное самоопределение, заметно возросло, при этом зачастую трудно провести грань между научным трудом и политической пропагандой. Так, Звиад Гамсахурдиа, старший научный сотрудник Института литературы Грузинской Академии наук⁷², знаменитый лидер грузинского диссидентского движения, проявлял активность в области мифологии и лингвистики. Он был в своей стихии как в мире исследований, так и в мире политики и отстаивал тезис, согласно которому грузинский язык исторически претерпел унижения и был отброшен в состояние мрака, но предсказывал его возрождение и возвышение до состояния духовного лидерства. Гамсахурдиа обладал способностью использовать данные исследований, проведенных специалистами-филологами и медиевистами, - которые в своих специальных работах рассматривали, например, вопрос интерпретации древних грузинских манускриптов в их историческом контексте, - для отстаивания своих

древности (VI-V тысячелетия до н. э.); относительно этого периода нельзя говорить о наличии здесь того или иного конкретного этноса. В то же время, начиная со II тысячелетия до н. э картина становится относительно яснее, и можно предположить, что Западное Закавказье населяли в основном картвелы. Начиная с этого периода и вплоть до времен классической древности археологические источники свидетельствуют о существовании здесь общей колхской т.е. картвельской культуры. (...) Во II и I тысячелетиях до н. э картвельский (точнее сванский) этнический элемент проживал в горных и долинных районах Западной Грузии. Этот вывод опирается на свидетельства древнегреческой мифологии (экспедиция аргонавтов в Колхиду) и на лингвистические исследования, которые указывают на существование здесь картвельского языка в момент самых ранних контактов между греками и колхами. Эта точка зрения полностью подтверждается данными классических древних источников...» Lordkipanidze. *Op. cit.* P. 190. В приведенной здесь цитате понятие «картел» является синонимом понятия «грузин», и включает в себя субэтноты мингрелов, сванов и лазов. Мариам Лордкипанидзе пишет, что она не уверена в том, проживали ли вдоль теперешнего западного побережья Грузии негрузинские племена, но она не сомневается в преобладании грузинской культуры в этом регионе.

⁷¹ Согласно Филипу Л. Колю, «конструктивистское» направление в западной науке рассматривает этногенез как феномен менее значимый, чем этноморфоз, т.е. изучение изменений, которые происходят с этническими группами с течением времени. См. Kohl Nationalism and Archaeology: On the Constructions of Nations and the Reconstructions of the Remote Past // *Annual Review of Anthropology*. Vol. 27. 1998. P. 223-246.

⁷² Gerber. *Op. cit.* P. 62.

политических убеждений, среди которых видное место занимала его вера в уникальность грузинского языка и культуры.⁷³

Абхазский ученый Владислав Ардзинба после его назначения директором абхазского Института языка, литературы и истории также делил свою жизнь между политикой и научной работой. Грузинский историк Теймураз Микеладзе утверждал, что железо впервые было изобретено халибами, которые рассматривались как «предки» грузин. По его утверждению, они положили начало Железному веку, оказав тем самым огромную услугу всей человеческой культуре. Ардзинба возражал на это, что в действительности железо было открыто предками абхазо-адыгского народа, которые во втором тысячелетии до н. э. жили как раз на той территории, где, по мнению Микеладзе, обитали халибы.⁷⁴ Политическое значение этого тезиса относительно прогресса человеческой цивилизации переоценить невозможно.

Однако глубокая политизация исторических наук охватила не всех абхазских или грузинских научных работников. В Грузии мифы о языке были одновременно мифами, спроецированными вовне (*extrinsic myths*), сфокусированными на уникальном происхождении и исторической судьбе грузинского языка, и мифами, спроецированными на себя (*intrinsic myths*), фокусирующими внимание на таких чертах грузинского языка, как элегантность, чистота и лексические ресурсы, которые обеспечивают его превосходство над другими языками.⁷⁵ Показателем высокого уровня профессионализма грузинской лингвистики стала та степень нежелания отстаивать эти мифы, которую обнаружило большинство грузинских лингвистов. Превосходящие черты грузинского языка наиболее энергично отстаивались некоторыми творческими работниками, журналистами и учителями, тогда как – за рядом важных исключений – профессиональные лингвисты с куда меньшей охотой отстаивали такие взгляды, особенно, когда они не преследовали своих политических интересов. В этом контексте, Грэм Смит и его соавторы проводят сравнение с Западной Европой, где языковые мифы были частью ортодоксальной лингвистики в XVI и XVII вв., но впоследствии ученые заклеили их как изобретение дилетантов и эксцентриков.⁷⁶

В отношениях между обеими общинами отсутствовали открытые политические дискуссии по вопросам национального строительства и сецессии, что позволяет

⁷³ Smith et al.. Op. cit. P. 182.

⁷⁴ Ibid., P. 53-4.

⁷⁵ Ibid.. P. 175.

объяснить появление вполне определенного типа научной полемики по этим вопросам. Обе общины создавали отделенные друг от друга институты, неспособные вступить в открытый и критичный взаимный диалог. В этом контексте понятно отсутствие объективности в академических дискуссиях, затрагивавших проблему грузино-абхазских отношений. Ведь объективность не следует рассматривать исключительно как свойство самого разума; ее также можно охарактеризовать как свойство того, кто размышляет. Вслед за Теодором Р. Шацким объективность можно определить как совокупность характерных черт, таких как способность пересмотреть суждения, когда они оказываются ошибочными, открытость, позволяющая учиться у других, и способность к тому, чтобы вести равный и откровенный диалог с людьми.⁷⁷ В контексте грузино-абхазских отношений советской эпохи объективность, как особый вид научного поведения, подразумевала бы содействие использованию совокупности приемлемых для всех сторон критериев во всех дебатах об Абхазии и ее истории. В силу упомянутых выше причин, в советское время такая форма объективности была невозможна.⁷⁸

Сведение счетов со сталинским прошлым

Еще одним аспектом, обусловившим грузино-абхазский конфликт, стала неспособность послесталинских руководителей оценить трагические последствия кампаний террора и репрессий 30-х - 40-х гг. XX в. для межэтнических отношений в Грузии и Абхазии. С точки зрения грузинского руководства, у него не было объективных исторических причин брать на себя какую-либо ответственность за действия Сталина или Берии. По его мнению, репрессии против грузинской политической элиты были не менее жестокими, чем аналогичные репрессии в отношении элиты абхазской. Грузинская интеллигенция подчеркивала, что Сталин и Берия действовали как советские политики, а не грузинские националисты. Тем самым она избегала отвечать на вопрос, как и до какой степени сталинский террор

⁷⁶ Ibid.. P. 174.

⁷⁷ Тед Шацкий ссылается на Ханса-Георга Гадамера. См. Schatzki Ted. Objectivity and Rationality // Natter Wolfgang, Schatzki Theodore R. and Jones John Paul (eds). Objectivity and Its Other. New York: The Guilford Press, 1995. P. 137-60.

⁷⁸ Станислав Лакоба определяет научную объективность при оценке грузино-абхазских отношений негативным способом. Он считает объективностью отказ от защиты прогрузинской точки зрения. См. Lakoba. Op. cit. P. 98.

вписывался в исторический контекст конфликтных отношений между обеими общинами.

С абхазской точки зрения, методы репрессий против культуры и населения Абхазии определялись мотивами грузинского национализма. Хотя все национальные общины Советского Союза пострадали от сталинских репрессий, в глазах абхазов между советской и грузинской идентичностью таких политических деятелей, как Сталин и Берия, не следует проводить коренного различия.

Ортодоксальный и неортодоксальный национализм

Четвертым фактором, который нужно принимать во внимание при анализе роли интеллигенции в конфликте между грузинской и абхазской общинами, стало специфическое взаимодействие властей и диссидентского движения в 70-е гг. В 70-е – 80-е гг. XX в. в Грузии было больше интеллектуальной свободы, чем в остальной части Советского Союза.⁷⁹ Характерной чертой интеллектуальной жизни Грузии было то, что «ортодоксальный» национализм партийного руководства, боровшегося за гегемонию грузинской национальной культуры в республике,⁸⁰ и «неортодоксальный» национализм⁸¹ самиздатского движения взаимодействовали таким образом, что это вело к радикализации их обоих. Ортодоксальный национализм местного партийного руководства обеспечивал его легитимность в грузинском общественном мнении. Но в то же время он обеспечивал легитимность борьбы неортодоксальных националистов за новую культурную и языковую политику. Конечно, в результате грузинскому диссидентскому движению было легче вести борьбу на этих направлениях, чем на таких, как демократия или права человека. В сравнении с российским диссидентским движением, грузинские диссиденты были менее озабочены индивидуальными правами человека, нежели судьбами своей нации.

В качестве еще одной черты неортодоксального национализма Юрген Гербер отмечает то, что ни в одном документе самиздата не шла речь о защите языковых и культурных прав негрузинских меньшинств Грузии. Это показывает, что грузинские

⁷⁹ Ibid., P. 59-60.

⁸⁰ Ibid., P. 88.

⁸¹ О различии между ортодоксальным национализмом, лояльным существующей политической системе, и неортодоксальным национализмом, бросающим вызов этой системе, см. Rakowska-Harmstone. Цит. по Sakwa. Op. cit. P. 243.

диссиденты разделяли цель ортодоксальных националистов, состоявшую в укреплении гегемонии грузинского языка во всей республике.⁸² На практике диссиденты в этом вопросе стояли на еще более радикальных позициях, критикуя власть за предоставление уступок меньшинствам.⁸³ Защита языка и национальной культуры была для грузинского общественного мнения приоритетным и общезначимым вопросом⁸⁴ в отличие от намного более абстрактной борьбы за права человека и личности. Этим объясняется большая популярность Звиада Гамсахурдиа на президентских выборах в мае 1991 г.

Размышления о роли интеллектуалов

Участие интеллектуалов явилось решающим фактором той мобилизации, которая привела к грузино-абхазской войне 1992-93 гг. По этому вопросу в литературе существует полный консенсус. В своем предисловии к книге, опубликованной во время этой войны, лидер Грузии Эдуард Шеварднадзе описывал использование исторических аргументов как один из фундаментальных аспектов этого конфликта. Он подчеркнул ответственность историков, не указав при этом, каких именно авторов или какие аргументы он имел в виду. По его мнению, искажение научного знания было частью продуманной кампании, призванной посеять семена ненависти между двумя общинами. Вопрос о том, кто же организовал эту кампанию, остался открытым: «Прежде всего, поле битвы было тщательно подготовлено направленным потоком пропаганды. Говорят, что когда стреляют пушки, музы замолкают, однако в данном случае музу истории Клио сознательно заставили отклониться от этого правила. Псевдоисторики с помощью своих псевдоисторий фальсифицируют прошлое и отравляют настоящее. Семена ненависти были посеяны умышленно»⁸⁵.

По мнению Джорджа Хьюитта – профессора кавказских языков Лондонского университета и сторонника абхазского дела, - ответственность за злоупотребление научными средствами, поставленными на службу национализму несут исключительно грузинские ученые: «И быть может, самый фундаментальный аспект этой длительной конфронтации состоит в том, каким образом некоторые ученые в

⁸² Gerber. Op. cit. P. 101.

⁸³ Ibid.. P. 64.

⁸⁴ Ibid.. P. 73.

Тбилиси многие годы готовились к тому, чтобы проституировать свои научные дисциплины, поставив их на службу местной шовинистической политике»⁸⁶. Пол Б. Хенце – видный исследователь «Рэнд корпорейшн» – в рассказе о своем путешествии по Абхазии, написанном после войны, высказывает противоположную точку зрения; по его мнению, у абхазского руководства полностью отсутствовала общественная поддержка. Его побудительными мотивами были интеллектуальные абстракции, совершенно чуждые реальным нуждам абхазской общины. «Абхазский сепаратизм был почти исключительно интеллектуальным феноменом»⁸⁷, - пишет Хенце.

Утверждение Шеварднадзе, согласно которому причастность интеллектуалов к грузино-абхазскому конфликту являлась частью более широкого заговора, имевшего целью столкнуть обе общины друг с другом, отражало широко распространенное в Грузии мнение. По одному из вариантов интерпретаций этого типа, Гамсахурдиа и его последователи были «невольными пособниками имперских сил, стремившихся, используя этнический и религиозный факторы, создать антигрузинскую коалицию, объединяющую всех проживающих в Грузии негрузин, а также отчасти и грузин-мусульман (аджарцев, месхетинцев) – всех, кто испытывает общий страх перед грузинским национализмом и фанатизмом»⁸⁸.

Другие варианты интерпретации случившегося указывают на то, что это была провокация против самого Шеварднадзе, который просчитался, когда в августе 1992 г., надеясь усмирить Абхазию, направил туда войска. Идеологическим следствием подобных теорий заговора является умаление ответственности грузинского руководства за случившееся с перекладыванием ее в основном на российскую власть. Но, подобно историческим мифам, теории заговора соотносятся с историческими фактами. Конечно же, советские, а затем российские власти оказывали активное влияние на конфликтные отношения между Грузией и Абхазией и между общинами в Абхазии. Это, однако, не означает, что сам конфликт можно понимать как результат главным образом политики, направляемой Москвой.

Еще один вариант анализа данного конфликта под углом российской причастности к нему и львиной доли ответственности за него представлен книгой Наиры Гелашвили, написанной во время войны 1992-93 гг. Автор характеризует

⁸⁵ Shevardnadze Eduard. 'Foreword' to Chervonnaya. Op. cit. P. xxii.

⁸⁶ Hewitt. Introduction to Hewitt (ed.). Op. cit. P. 17.

⁸⁷ Henze Paul B. Abkhazia Diary – 1997 // Tütüncü (ed.). Op. cit. P. 102.

общую историю грузин и абхазов как в принципе гармоничные отношения, подорванные благодаря коварству России, которая проводила политику «разделяй и властвуй». В прошлом грузины пытались создать для противостояния имперской политике России общий фронт. Гелашвили называет целый ряд грузинских интеллектуалов, которые в XIX-XX вв. боролись с российской политикой культурной ассимиляции и содействовали развитию абхазской культуры.⁸⁹ Эта трактовка представляет Грузию как нацию, которая на протяжении двух веков нетерпеливо ждала эмансипации от российского владычества и которая, освободившись от российского господства, сама неспособна угнетать другие народы. Этот взгляд на историю региона вряд ли убедит абхазских историков, которые, наоборот, приводят множество примеров грузинских интеллектуалов и политиков, поддерживавших российскую и советскую политику ассимиляции и подавления.

Грузино-абхазские отношения представляют собой длительные циклы виктимизации, на протяжении которых акты агрессии или отказ искупить историческую несправедливость оправдываются предыдущей виктимизацией, вследствие чего каждая община считает, что у нее есть объективные основания рассматривать себя как жертву и отказывается признавать свою вину⁹⁰. Интеллектуалы несут особую ответственность за сохранение такого рода исторической памяти. Однако грузинским и абхазским интеллектуалам, которые напрямую были вовлечены в конфликт, трудно прибегнуть к интроспекции. Для многих из их числа участие в политических дебатах по грузино-абхазским отношениям сделалось невозможным именно в результате войны и ее последствий. Экономический коллапс серьезно отразился на деятельности научных и образовательных учреждений, что вынудило многих ученых и преподавателей сменить род занятий. Обе общины стали теперь намного менее, чем до войны, восприимчивы к идеологической мобилизации. Интеллектуалы, игравшие до войны 1992-93 гг. первостепенную роль застрельщиков общественной мобилизации, в

⁸⁸ Chervonnaya. Op. cit. P. 54-55.

⁸⁹ См. Gelaschwili. Op. cit. P. 61-66.

⁹⁰ См. Crelinsten Ronald D. Prosecuting Gross Human Rights Violations from the Perspective of the Victim // Jongman Albert J. (ed.). Contemporary Genocides: Causes, Cases, Consequences. Leiden: PIOOM, 1996. P. 175-185; Coppieters. Op. cit. P. 164.

настоящее время имеют малый доступ—или вообще не имеют доступа—к правящим кругам и к тем, кто принимает политические решения⁹¹.

Что же касается научной легитимизации политических требований на международных форумах, то для этого вчерашние рассуждения об истории региона не слишком полезны. Международные организации по безопасности не питают большого интереса к вопросу о том, каким был ареал проживания протогрузин или протоабхазов. Научные сообщества Грузии и Абхазии оказались плохо подготовлены к тому, чтобы решать политические проблемы, с которыми сталкиваются их народы. Интеллектуалы не играли заметной роли в переговорах о суверенных правах Грузии и Абхазии или о создании общего государства. Отчасти причиной тому была их неспособность выступать экспертами по вопросам, которые поднимались на этих переговорах. Решение задачи модернизации политических систем во имя преодоления этнического конфликта потребует освоения специальных научных знаний, в первую очередь относящихся к правовой и административной сферам, однако в настоящее время для этого нет необходимых ресурсов. В первую очередь нет их у Абхазии ввиду малой численности ее населения и изоляции от внешнего мира. Лишь отчасти такие ресурсы могут быть получены за счет сотрудничества с зарубежными НПО и академическими институтами, которые, как правило, концентрируют свои усилия на укреплении доверия между обеими национальными общинами.

После войны особенно трудноразрешимым остается вопрос о совместном проживании в Абхазии различных национальных общин. Грузинские беженцы смогли вернуться лишь в Гальский район Абхазии, населенный почти исключительно грузинами-мингрелами. Обвинения в этнических чистках регулярно звучали в ходе обсуждений ситуации в Совете Безопасности ООН и были включены

⁹¹ Количество книг и брошюр по истории региона, публикуемых в Грузии и Абхазии, продолжает оставаться значительным. См. Georgian Academy of Sciences. Research Centre for Relations between Nations, Historical, Political and Legal Aspects of the Conflict in Abkhazia. Tbilisi: Metsniereba, 1995; Ментешашвили Автандил. Исторические предпосылки современного сепаратизма в Грузии. Тбилиси: Типография Тбилисского университета, 1998; Лежава Григорий. Между Грузией и Россией. Исторические корни и современные факторы абхазо-грузинского конфликта (XIX-XX вв.). Москва: Центр по изучению межнациональных отношений. 1997; Жидков Спартак. Бросок малой империи. Майкоп: Алигея, 1996; Лакоба Станислав. Столетняя война Грузии против Абхазии. Гагра: Ассоциация «Интеллигенция Абхазии», 1993; Лакоба Станислав. Абхазия. После двух оккупаций. Гагра: Ассоциация «Интеллигенция Абхазии», 1994; Аджинджал Ермолай. Из истории абхазской государственности. Сухум: Ассоциация «Интеллигенция Абхазии», 1996; Воронов Ю. Абхазы—кто они? Гагра: Ассоциация «Интеллигенция Абхазии», 1993.

в ряд заключительных деклараций саммитов ОБСЕ⁹². Но абхазские власти всегда отрицали какую-либо ответственность за судьбу перемещенных лиц. По их мнению, массовую репатриацию грузинских беженцев на территорию всей Абхазии можно будет допустить лишь после заключения мирного договора и признания Абхазии Грузией. В противном случае возвращение беженцев приведет к новым столкновениям и новой военной интервенции со стороны Тбилиси. Но абхазские власти до сих пор оказались неспособны ответить на следующий вопрос: как и при каких институциональных гарантиях грузинское население сможет быть включено в политическую жизнь Абхазии в будущем? Абхазское восприятие грузинской общины Абхазии как инструмента колонизации и внешнего господства оказывается решающим фактором при планировании общих политических институтов в не меньшей степени, чем грузинская точка зрения, согласно которой Абхазия изначально является грузинской землей. Вероятно, будет по-прежнему трудно добиться от обеих общин критической оценки истории грузино-абхазских отношений, а тем временем будущее этих отношений остается неурегулированным.

⁹² <http://www.osce.org>